

Образ Богородицы «Елеуса». Размышления о значениях именовании

**Икона Божией Матери «Елеуса» - Умиление
Владимирская**

**Икона Божией Матери «Умиление» -
келейный образ Серафима Саровского.**

Вот... вознамерился дерзновенно – размыслить о высоте непосильной разумению... вознести разум к высотам недоразумеваемым, к образам Богородицы, к различению смыслов их именованья. Имя образу, как представляется, рождалось не прежде возникновения иконы. По мере молитвенного прилежания человека, по мере откровения Бога через Его образ – словно бы из пакибытия - проступало к восприятию слово, нарекающее икону. Имя – словно бы словесное сияние над образом в его почитании, становилось именем собственным, прилежащим конкретной иконе... именем нарицательным, относящимся к иконографическому типу, множеству икон, имеющих схожие символические значения. Неисчетно число образов Богородицы, икон возлюбленных и молитвенно почитаемых – окон отзывчивости Господней, веяния благодати Заступницы нашей, Предстательницы, Утешительницы во временной жизни. Не охватить единым очерком этого неисчетного числа хоть как-либо подробно, обстоятельно. Краткое суждение о именах будет неизбежно неполным, поверхностным... возможно ли вообще рассуждать о имени образа Матери Божьей, когда на уста просится молитва, паче всяческих рассуждений. Но – вложен в сознание помысел – рассудить об именах – и не отринем, испросив благословения в рассуждениях у Первообраза – Царицы Небесной. Да заградит уста мои от слов неправедных, слов пустых, напрасных.

Не дерзаю помышлять о составлении подробного описания иконографических смыслов. Иконография Богородицы систематизирована достаточно детально и в различных аспектах. Научными трудами – выверены историко-типологические структуры

образов. Пособиями к благочестивому почитанию – составлены очерки земной жизни Богородицы в Её чудотворных и почитаемых иконах. Моя цель не повторить их, не внести некую личную «новую» систематизацию, не составить некое пособие к пониманию, но, доверившись личному, почти лирическому, почти эстетическому ощущению перед некоторыми иконами, - отозваться им, пусть бы немощным, - искренним словом. В этих словесных отзывах – рефлексиях вознамериваюсь, в меру сил, выстроить и выверить через произнесённое (записанное) слово – личное благочестивое восприятие и понимание особенно тронувших, «нравящихся» образов из числа тех, что довелось встретить. Как знать, быть может, эти проблески опыта личного разума окажутся полезными мне самому и ещё кому-то... как знать. Царица Небесная, благослови, если в этом начинании спит зерно благое, – пусть пробудится оно молитвой к Тебе.

И начнём теперь совершенно общим суждением о множественных значениях в именовании образа Богоматери «Елеуса» - «Умиление». Мы теперь, видя образ Божией Матери «Умиление», говорим о значении этого имени, буквально переложённом из греческого языка, о точном воспроизведении на русском корне греческого слова «Елеуса» («Элеуса») Ελεούσα — милостивая, милующая от ἔλεος — сожаление, жалость, сострадание, сочувствие. Привычно наименование образа «Умиление» отождествляется с именем «Елеуса». Между тем, подобное отождествление имён представляется точным, но не вполне достаточно исчерпывающим полноту значений. Поясним это представление и попробуем вникнуть в детали, в некоторую посильную к уразумению глубину смыслов имени. Но прежде совершенно кратко – предварим эти суждения обобщённым, отстранённым взором на иконографические типы изображения Божией Матери. Не погружаясь в иконографические детали, в преподносимые ими смыслы, упомянем основные изображения, как способы символического выявления образа Божией Матери перед шей молитвой... перед нами.

Божия Мать «Одигитрия» - Путеводительница, Указывающая нам путь ко Христу. Множественны до неисчислимости варианты – изводы этого смысла, чудотворные, духоводствующие нашей молитвой, наставничающие в земном бытии... восторгающие наше эстетическое чувство... Божия Мать «Одигитрия» – Путеводительница - указывает нам путь, предшествует на нашем пути ко Христу. Предание связывает возникновение этого образа с авторством евангелиста-иконографа, апостола Луки, с монастырём Одигон в Константинополе. Вероятно, именование монастыря, разрушенного теперь, происходило от имени этого образа.

Божия Мать в иконографическом типе «Молящаяся» - «Оранта» либо «Знамение». В образе «Оранты» руки Богородицы молитвенно воздеты, символически повторяя жест Моисея на горе в период битвы израильтян с амаликитянами. «Оранта» - «Нерушимая Стена» в соборе Софии Киева изображена в алтарной апсиде без Богомладенца, как столп и духовно несокрушимая Твердыня, Защитница и Предстательница в нашей духовной брани. В области чрева или груди «Оранты» - Молящейся может быть расположен символ мандорлы – сияния, внутри которого изображён Богомладенец – Христос либо, чаще, Христос – Юноша, Эммануил в священнических облачениях. Богослужащий Христос – благословляет нашу молитву изнутри сияния и соучаствует в молитве Богоматери за мир, предстоящий Ей, словно бы изнутри человеческого естества Богородицы – являет Богочеловеческое естество Христа, распространяющееся в глубину молитвенного предстояния и духовного делания Церкви.

Иконографический тип «Никопея», в котором Божия Матерь держит Богомладенца обеими руками перед Собою. Христос может при этом находиться в некоей мандорле – символической миндалине – внутри сияния. В этом образе Богоматерь преподносит нам сокровенного Христа, являющего Себя через Неё, словно бы вручает Его нам, предъявляет Его перед Собою. Это изображение очень распространено в отдельных иконах, известнейший пример видим в апсиде базилики собора Софии Охридской. Богомладенец может быть написан и без мандорлы, Его касаются руки Богоматери. Богоматерь «Никопея» преподаёт нам Богомладенца, как собственно Побеждающего, в прямом смысле слова является Несущей Победу-Христа, Победоносией, Она преподаёт Христа к таинственному литургическому Богоприятию нами, представляет нам Христа, Его образ и Его Самого, порождённого Ею. Христос, прошедший сквозь Богоматерь, словно через портал Царских Врат, предполагается Ей нашему взору. Повторимся, отдельные варианты – изводы изображений бесчисленны. Вот – Снетогорский образ, в котором словно бы совмещены символические смыслы «Оранты» и «Никопеи». Одною, левой рукой, Богородица обнимает и поддерживает Сына, а руку правую Она простирает в молении к подкупольному пространству – к образной обрасти Возносящегося Христа... Неисчетны варианты изображений, не укладываются они в рамки строгих типологических структур, являя дивные и пре-чудные примеры символического осознания и образотворчества, воистину живого символического письма.

В череде изображений особенный символический смысл является иконным типом образа «Елеуса». «Умиление» - так это именование принято переводить и воспринимать. Не посмеем переиначить значений, восхищаясь тем, сколь величественны смыслы, раскрывающиеся в этом именовании образа. В иконографическом типе «Елеусы» Божия Матерь и Богомладенец соприкасаются ликами. Прикосновение ликов, сочетание ланит являет собою совершенно особенные смыслы. Знаменитая Владимирская икона Божией Матери относится именно к этому иконографическому типу, и к этому смысловому пространству образа, скажем так. Но что же означает это прикосновение ликов? Прежде всего хочется себя предостеречь от слишком уж обыденного, сентиментально-чувственного восприятия этих смыслов, от излишнего очеловечивания образа, от совершенного оземления символа... от низведения Небес к одному лишь земному. В изображении «Елеусы» безусловно присутствует и торжествует в обаянии непорочной чистоты красота и образные смыслы материнства, сыновней любви, жалости, сочувствия, сострадания. На чувственной и прекрасной высоте материнства – распознаётся и по-человечески умиляет взирающего на этот образ, тонкое и лиричное взаимно проникновенное - сочувственное отношение Бога Христа и Богоматери. Но нельзя нам, ни в коем случае нельзя нам останавливаться, мысленно и душою - замирать только на этих, скажем так, душевно-натуралистических значениях изображения, в которых прекрасная ликом юная мать – умиляется, глядя на своё чадо или пред-чувствует неким наитием его судьбу, страдания, крестные муки, ужасную кончину своего дитя, глядя сострадательно на него, такого ещё нежного ребёнка, которому уготовлено жуткое по человеческому пониманию будущее... на этих смыслах совершенно не заканчивается, не ограничивается ими, не исчерпывается... более того, едва ли вообще относится к ним символическое значение образа Божией Матери «Елеуса». Не остановим, не ограничим себя разумением лишь только этих смыслов... К расширению и углублению понимания и восприятия именованного этого изображения привлечём значения корня слова, присутствующие в имени чуть более отдалённо. Ἐλεος – милость, сожаление, жаление... но ἔλαλον —

«оливковое масло». Эти корни созвучны и связаны вполне явственно, в духовном осмыслении, весьма дополняют друг друга. Собственно, масло – елей, в духовном осмыслении обретает символические значения благодати Духа Святаго, проникающего к человеку, уелеивающего, благодатствующего. Самоограничение в познании символа можно было бы уподобить пониманию слова ἔλαιον — елей, оливковое масло, в удалении от себя духовного осмысления. Подобное недомыслие проявили бы мы, оставляя в слове «умиление» лишь только значение чувственного любования, взаимного ласкания дитя и матери, жаления, сочувствия. Символические смыслы в иконе несоизмеримо превосходят перечисленные значения... как душа превосходит тело, как Дух Божий - превосходит пространство человеческой души. К полноте духовного осмысления имени образа «Елеуса» – мысленно соединим смыслы слов ἔλεος и ἔλαιον.

Умиление – и молитвенный вопль, неотступная просьба о милости Господней, как о единственном на потребу. Так – заповедано нам. «Всегда радуйтесь. Непрестанно молитесь» (1Фес.5:16-17). Апостольская заповедь о радости нераздельно связана с заповедью о непрестанной молитве, предшествует ей, сопровождает её. Радость о Господе – и молитва во след и в нераздельном сопряжении с радостью. Должно быть молитве непрестанной и радости – непрестанной. Не наша, не моя мера из мрачных глубин греха и немолитвенности – рассуждать об этом... Лишь – прочитываю заповеданное апостолом, переданное им от Христа... и помышляю о разумении, вглядываясь в образ... а паче – о милости Господней, превышающей моё разумение, о милости, никак не зависящей от меня, грешного. Молитвенный вздох заповедан, как вопль непрестанный, радостный, прорывающийся из глубины радостотворного плача: помилуй мя, Господи! вот и должно истекать из нас этой единственной неотступной просьбы – о милости, просьбы, исполненной радости о даровании просимого. Помилуй мя! И – сочетаем в осмыслении просимого символические, духовно звучащие смыслы слов ἔλεος и ἔλαιον. Помилуй, прояви жалость, сострадание - умасти, умасли елеем Твоей милости моё недостойнство, падшее во мне человечество! В радости о величии просимого – прошу, помрачнённый: помилуй, пожалей, просострадай со мною, умасли, уелей меня! Прими меня и удели – мне – от Твоей Полноты (греч. - πλήρωμα). Дай моему ограниченному человечеству стать причастником Твоей безграничности, Твоего простора, Твоего Божества. Одари Твоею Полнотою моё несовершенство – о-божи меня... по благодати Твоей, измени моё естество, пре-образи его Собою, войдя в меня, присоединив к Себе... природив к Твоему Сыновству. И всё это полнозвучие смыслов, невместимое в слова – выплёскивается единым выдохом сердечной молитвы: помилуй мя, - пожалей, сочувствуй мне, уелей, умасли, Господи... Κύριε ἐλέησον. Это уделение благодати, присоединение к Полноте Бога – и есть собственно милость, сравниваемая... символически переосмысленная, а точнее – восполненная духовными смыслами – перекликающимися с образами земными, с целебным, благоуханным и вкусным оливковым елеем – маслом. Елей – исцеляет, уцеломудривая разрозненное грехом естество человека... елей – насыщает алчущую во грехе человечность... елей благодатствует, мистически вникая в наше естество проникновением Божества... Помилуй меня. С этой молитвой – чаем Жизни Вечной, преодолевая во времени стези земного бытия. Эта молитва заповедана нам, как непрестанная к сотворению в глубине сокровенной сердечной радости о Господе Живом.

Помилуй... с чем же сравнить земное слово молитвы, если оно изошло – к Несравнимому, к Божественному естеству. Слово Евангелия о Преображении Христовом

– сравнивает Свет Преображения со снегом... а с чем же ещё земному слову сравнить эту взнезную белизну, нестерпимую чистоту. Сравнение направлено к осязаемости непередаваемого, выраженной в подобии символа Первообразу. Сравнением – выявляется невыявляемое, передаётся то, что непередаваемо по существу, даётся знать о том, что непостижимо знанием. Словом сравнения – доверяется нам некоторое приближенное ведение о том, что можно бы ощутить нашими руками, увидеть проникновенным взором. И – восторгаемся перед этой белизной, чистотой, как перед снегом, свежеснеженным на измученную землю. Непорочный небесный снег – овеял вершину горы, - с ним связывается евангелистом Свет Преображения Господнего. Конечно же, Свет Невечерний, Нетварный – никак не подобен снежной чистоте... Но с чем же ещё может слово человеческое сравнить то, что видит око, чувствует периферия души, чем пробуждается дремлющий дух... Истина – Бог, Истинен – путь к Нему и Сам он – Путь этот. Шествуем – осязательно к Непознаваемому, дарующему Себя. И шествовали бы наощупь, слепо, если бы ни Церковь путеводящая, если бы ни Сам Он – таинственно – постижимый. И произносим слова, и восторгаемся смыслами, проявляющимися к нам из видимого, из осязательного нами.

Итак, милость – как елей, как масло благоуханное. И милость Господняя неотлучно пребывает с Матерью Божьей, умащает Её, улеивает человеческое естество особенной чистоты, пред-избранное к рождению, воплощению Бога. Соприкосновение Богочеловека Христа, Сына Божьего и Сына Человеческого, – с Божьей Матерью, - есть образ соприкосновения Божественного и человеческого естеств, проникновения Божественной благодати в тварное существо человека. Елей милости Господней – как естество Бога, уделенное человеку – проникает в естество человека - Богоматери, о-Боживает по великой и неизреченной милости, улеивает Её до Боговоплощения в Ней Христа, до предельно возможной близости. Не о том ли просим и мы в молитвах после причащения: войди в утробу мою, в составы, в сердце... - о проникновении в моё человечество Твоего Божества, о наполнении меня, как сосуда, о смешении со мною... не в суд и не во осуждение меня, но в приобщение Жизни Вечной внутреннего моего человека, того, что может быть приобщено... кто может быть приобщён не по моим заслугам, но по необъяснимой милости Твоей. Спаситель, умаляя Себя – распространяя Свою милость за пределы Своего Божества, - принимает на Себя естество человека, входит в составы человека, наделяет человека естеством Бога... и волен милостиво приобщив к Себе - о-Божить. Вочеловечивает Себя Бог... и вочеловечивание это – неизъяснимо, вне-образно, превыше-образно – и символически представлено нам, как умащающая милость, как образ Жалости, Любви, Состадания, Елея, истекающего на Матерь, вместившую эту Милость – Христа. Христос, неизъяснимо и таинственно войдя в Неё, словно Царскими Вратами – входит в мир сей... пре-подаёт Себя миру, человеку.

Сочетания этих смыслов, распознаваемые нами, предъявленные нам в иконе для почитания, для поклонения – являются образом «Елеусы». Повторяем в который уж раз: не одни лишь восторги Материнства и радости созерцания Ребёнка - вызывают к нашему отклику, к возвышению символом земного материнства и сыновства. Не одно лишь материнство земное, сострадание, жалость - возвышены символом к образным небесам. Символ умиловления Богоматери - обращён к человечеству, опрокинут в глубину

молящегося сердца. Лики – соприкасаются перед нами... и в этом соприкосновении не один лишь образ материнского поцелуя, тёплого и нежного, ласкательного приникания щеки к щеке. В «Елеусе» не соприкасаются уста Матери и Богомладенца, но прикасаются, взаимно перетекая, проникаясь друг другом именно ланита – Богочеловеческое естество Христа и человеческое естество Богоматери. Соприкосновение это плотно, неотстранимо, несомненно. В некоторых иконах «Елеусы», вот, например, в образе Владимирском личная живопись Богомладенца и Богоматери различается технологическим исполнением и содержит различную символическую наполненность, а именно, выявляет в лице Богородицы именно человеческое естество, приникающее ко Христу, а в лице Младенца – Его Богочеловечество. Эти лики, плотно приникая, никогда не составляют нераздельного единства. Неразделимы в соприкосновении, но разделены по естеству Богоматерь и Христос.

Образ Божией Матери «Умиление» Серафимо - Дивеевская, достаточно поздняя икона, которую мы почитаем, как образ личного келейного моления святого Серафима Саровского чудотворца. Образ, написан в технике, близкой к реализму, в небольшом развороте от нас при опущенной голове Матери Божьей, прикрывшей очи.

Мы не станем сейчас разбирать иконографических нюансов, но то, что хочется высказать перед этой иконой представляется слишком важным для уяснения основных смыслов именования образов «Умиления» и «Елеусы». Божия Матерь на иконе «Умиление» Серафима Саровского изображена в тот великий, неизъяснимо таинственный миг проникновения, вхождения Христа... перед нами в образе – Богородица, Впустившая в Своё человеческое естество – Бога. На иконе вовсе нет изображения Богомладенца, но Богоматерь – умилена, наполнена, насыщена Христом, - Господь в Ней и с Нею. Это изображение причастившегося человека. Руки – скрещены на груди Её, - так скрещены руки у человека, принявшего Святое Причастие. Можно домыслить себе, что именно так были скрещены руки Марии, произнесшей в Благовестии «сé раба́ Господня: б́уди мнѣ по глаго́лу твоёму́» (Лк.1:38). И – входит в Неё по благодати вочеловечивающий Себя Бог. Так по благодати человек – воспринимает с Причастием Христа, входящего во утробу, в составы, в сердце. «Верую, что сие есть истинно Христос» - утверждаем словом своей молитвы перед принятием Святых Таин. Не образно, не символически входит Бог, но истинно – по естеству и естеством Своим. Так – веруем, так исповедуем из глубины своей веры, так – живы ещё. Перед нами и в нас – тайна, невместима и велика. Как случиться может таковое, что Сам Бог в Божественном естестве – проникает в человеческое естество, повреждённое и недостойное восприятия, в естество, вопиющее перед Чашей воплем разбойника на кресте о том, что не предам этой тайны Твоим врагам, что не облобызаю Тебя иудиным лобызанием... Вопиет человек об одном лишь поминовении – воспоминании о себе в Жизни Вечной, в Царствии Его не от сего мира... и – входит Бог приоткрытыми воротами этих уст, выпустивших, повторивших слово благоразумного разбойника на пороге смертной сени, на высоте личного распятия... - на эту окровавленную грехом, молящую о милости высоту – нисходит Бог Святыми Дарами. Проникает Бог в естество, повреждённое грехом первородным, неисчислимыми грехами произвольными... Нет человека, рождённого вне греха, зачатого вне беззакония. И в это естество, изглаголавшее, исповедовавшее Христу глас мытарев, глас разбойника, облагоразумевшего на своём кресте – входит Бог. Боже, милостив буди мне, грешному... - и шествует Господь устами отворёнными. Благоговейно скрещены руки у человека, принявшего Христа своего... усвоившего Бога естеством... по благодати... по неизреченной уелеивающей милости... В страшную близость к человеку, прямо в него – вмещает Себя Бог... И – преклонена глава у причастника, опущены глаза... скрещенными руками охранительно – удерживается неудержимая благодать, распространяющаяся внутри. «Не врагом Твоим тайну повем...» В этой же позе – изображена Божия Матерь на келейной иконе преподобного Серафима Саровского. Перед преподобным Серафимом – образ преподобия в Богоматери, принявшей Христа, исполненной Христом, насыщенной Богом. Этот образ был расположен перед молитвенным взором человека, несомненно обоженного Христом, человека, во Христе бытийствующего, пре-подобного Христу. Этот образ – сопровождал преподобного Серафима в его преставлении ко Христу, - так же были сложены руки преподобного и смежены очи, уже вглядывающиеся в мир иной... так же была преклонена его глава. Божия Матерь на иконе – умилена, исполнена Богом, Господь проник в Неё, в Её существо, будет явлен через Неё... Но сей час – опущены глаза Восприемницы Бога, Причастницы Богу... скрещены руки... распространяется тишина – исихия, внутри которой произошла и происходит встреча, взаимное проникновение человеческого естества и Богочеловека – нераздельного и неслиянного сочетания природ во Христе. Такой нераздельный с человечеством и неслиянный с человечеством Бог –

проникает в нас Причастием. Как случиться это может... каковы последствия этого проникновения? Во исцеление нашей души и тела? В напутие живота Вечного? Во ответ благоприятен на Страшном Судищи Христовом? В суд или во осуждение?.. Так произносит человек в причастной молитве. Эти же смыслы, состояния – являет келейный образ преподобного Серафима. Умиление, улеивание благодатью, восприятие и усвоение Христа. «Оранта» - простирает ко Христу молитвенный жест... «Знамение» - благословляя и молясь, – являет Христа во глубине таинственной мандорлы... «Никопея» - преподносит нам, вручает нам Богомладенца... «Одигитрия» - держит Его на руках, указывая истинный путь к Богу Истине... «Елеуса» - прижимает Христа к щеке, прикасается к Нему, может ощущать Его человеческим чувством, кожей... воспринимать Его тепло, дыхание... Эти проявления чувств и в соприкосновении ко Христу – остаются внешними, осторожно скажем, - поверхностными. Неизобразимо проникновение Божественного естества в человека, смешение этих естеств. Но проникшее Божество может быть явлено средством высокого, необъяснимого искусства и лик Божией Матери Владимирской – являет это проникновенное умиление. Повторимся, это умиление невозможно ограничить чувствованием земного материнства... как нельзя и совершенно отдалить от него, от радости матери, созерцающей чадо, ласкающей сына. Образ невозможно ограничить и чувствованием, видением Бога, являющего Себя в образе. Бог Сын – умиляет Богородицу, наполняя Собой, преисполняет естество Матери Божественным естеством. Об этом преисполнении явственно свидетельствует Её лик, Её вид. Лицо обретает лик. Именно это об-личение лица преподносит нам икона к молитвенному поклонению и почитанию, к личному преподобию - уподоблению Христу моего человека. Икона – выражает невыразимое, в этом её недосыгаемая высота. Икона – приближена к нам, к нашему поклонению – и высота преподана, преклонена образом к нашему восхождению... к нашему молитвенному взыванию. Невыразим Бог, проникший во глубину естества – во утробы человека. Но возможно через образ - выразить радость человека о восприятии Его в глубины человеческого естества, оживающего Христом... либо знак этой радости – сиятельный нимб... признак этой внутренней радости – опущенные очи, преклонённая глава, руки, сложенные на персях, словно бы в представлении от бытия земного ко Христу, во Успении к пробуждению в Жизни Вечной. Внутри Причастницы – царствует Царство Господнее, внутри Неё – вселил Себя Бог, наполнивший сердце. Перед этим образом – представляется, - переходит ко Господу... переносится Господом к Его престолу - преподобный Серафим, принявший полноту Божества. К подобному восприятию – склоняет нас эта икона, порождающая молитвенный отклик, жажду к уподоблению видимому. Перед нами – ощутительный пример, эталон молитвы, увенчанной Милостью - Христом, вникшим в человека, - символ к распознаванию – сокровенный Предмет нашей любви.

Так – открывает Христос Самого Себя, являя образ перед нами, - образ «Умиления» - милости, жалости чаемой, образно истекающей к нам. Икона перед нами - побуждение к распознавания милости этой, к преклонению нашего естества в смиренном мудровании перед раскрывающимися смыслами неместимых слов: Господи, помилуй мя, грешного... улей Собою моё естество, приобрети моё непотребство... приобщи к Себе по великой и неизъяснимой Твоей благодати... Милостивый – помилуй, сострадая ко мне, сострадая со мною, оживотворя – меня... помилуй, Господи.